

Critical Theory, Neuro Science and Study of Affect: Issues of Transdisciplinary Dialogue*

© 2019 г. Olga V. Vorobieva^{1**}, Feodor V. Nikolai^{2***}

¹ *Institute of Universal History of Russian Academy of Sciences, 32A, Leninskiy prospect, Moscow, 125993, Russian Federation; Russian State University for the Humanities, 6, Miusskaya square, Moscow, 125993, Russian Federation.*

² *Minin Nizhny Novgorod Pedagogical University, 1, Ulyanov street, Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation; Russian State University for the Humanities, 6, Miusskaya square, Moscow, 125993, Russian Federation.*

**E-mail: vorobushek1@yandex.ru

***E-mail: fvnik@list.ru

Received 04.08.2019

The article analyzes the attempts to use the achievements of neuroscience in the field of social and humanitarian research. Starting from critical neuroscience, the authors think about the absence of common framework of the dialogue between neuroscience, humanities and philosophy, and believe that such a dialogue cannot come down to one-sided reception and should involve both synthetic and critical components. Possible current perspectives of using neuroscience are connected with “affective turn”, memory studies, cultural neuroscience and studies of affects – sensations – habitus – emotions – values – judgments – practical actions – socio-cultural complexes. However, such perspectives require from researchers not only the formation of a special “brain culture”, but also a substantial renewal of research practices, the emergence of new frames and methods of sharing knowledge. An analysis of the challenges, risks and threats accompanying such a dialogue seems absolutely urgent.

Key words: critical theory, neuroscience, turn towards affect, cultural studies, dialogue, structure of feelings.

DOI: 10.31857/S004287440007528-5

Citation: Vorobieva, Olga V., Nikolai, Feodor V. (2019) Critical Theory, Neuro Science and Study of Affect: Issues of Transdisciplinary Dialogue, *Voprosy filosofii*, Vol. 12 (2019), pp. 91–100.

Несомненные успехи нейронаук в 1990–2000-е гг. вызвали многочисленные попытки использовать их достижения в гуманитарных исследованиях, это привело к появлению нейрофилософии, нейросоциологии, нейроэкономики и т.д. Сторонники этих новаций называют происходящее «нейрореволюцией» [Lynch, 2009]. Критики подобной моды говорят о контрпродуктивности «нейромании», опирающейся на популярные изложения и не всегда корректные метафоры [Legrenzi, Umilta, 2011].

В отечественной философии диалог с нейронауками стал вызывать интерес относительно недавно. Возможно, именно поэтому в его рамках проблемы взаимосвязи физиологических детерминант формирования психики и культурных традиций¹ дискуссии о «социальном мозге» и зеркальных нейронах², исследования языка и нейролингвистика³, теория когнитона К.В. Анохина, проблемы демаркации нейрофилософии и философии нейронаук, а также влияние последних на представления о свободе воли и философию сознания [Бажанов 2016; Секацкая 2016; и др.], перспективы

* The article was supported by the Russian Science Foundation, project No. 17-78-30029 "Cognitive mechanisms and discourse strategies for overcoming sociocultural threats in historical dynamics: multidisciplinary research".

работы с искусственным интеллектом⁴ и целый ряд других проблем обсуждаются отдельно. Однако пока работы отечественных авторов предполагают скорее рецепцию идей наиболее известных западных исследований (А. Дамасио, К. Малабу, П. Чёрленд). Редкие критические высказывания о сложностях такого трансдисциплинарного диалога касаются, с одной стороны, опасностей подмены серьезных исследований популярными, но не квалифицированными адаптациями. С другой стороны, вызывает опасение «рецептурный» интерес к нейронаукам (особенно к идеям нейропластичности – трансформации мозга под влиянием социально-культурной среды) со стороны военно-промышленного комплекса и неолиберального менеджмента. «Порожденная феноменальным прогрессом в области исследований мозга активность – государственные программы национальной безопасности, косметическая психофармакология, брейн-фитнес и др., – притягивает к себе финансовые и людские ресурсы, что не всегда является оправданным; плюс к этому, как в случае с рекламой антидепрессантов, порой вводит в заблуждение и формирует ложные представления, что, в свою очередь, наносит вред уже науке» [Шкурко 2017, 33]. Подобное сочетание околонучной популяризации и завышенных ожиданий от нейроисследований провоцирует появление ряда сомнительных понятий (например, «нейрогосударственное управление») и образовательных программ («Нейромаркетинг: управление потребительским поведением»). В некоторых случаях при этом философия позиционируется как перспективный модератор или даже «эффективный менеджер» подобного рода проектов [Петрунин 2015, 28].

Все это делает предельно актуальным обсуждение формата и перспектив диалога между гуманитарными исследованиями, философией и нейронауками. Такой диалог не может сводиться к односторонней рецепции и неизбежно предполагает как синтетическую, так и критическую составляющие.

Нейроисследования и критическая теория

В 2008–2010 гг. в Берлине из междисциплинарной группы историков науки, социологов и философов сформировалось такое направление, как «критические нейронауки». Отталкиваясь от предложенного М. Хоркхаймером разграничения традиционной и критической теории, Ян Слаби, Супарна Чоудхури и их сторонники настаивали на том, что сознание невозможно отделить от перцепции и практики, – оно всегда воплощено в теле и связано с действиями, а также социально-культурной средой. С этой точки зрения, нейронауки не просто исследуют нейронные сети и биохимические процессы, определяющие работу головного мозга, – они представляют собой комплекс когнитивных практик, связанных с существующими социально-политическими отношениями и во многом воспроизводящих их структуру. Вслед за К. Малабу они настаивают, что «любая концепция мозга является политической» [Kirmayer 2012, 371]. «Нейроученые работают во время беспрецедентной политизации исследований через их коммерциализацию» [Slaby, Choudhury 2012, 43].

Кроме того, Я. Слаби и его сторонники доказывают, что изменение метафор, в которых описывается работа головного мозга – от телеграфа к компьютерным сетям – не нейтрально. «Мы – это наш мозг» [Vidal, 2009, 7–8], – подобный язык описания редуцирует сознание к работе головного мозга, который превращается в командный центр знания / власти, контролирующей сердце, тело и периферическую нервную систему. Эта иерархическая модель работает на идею технической функциональности и, в конечном итоге, на неолиберальную модель эффективной организации капитала в терминологии гибких, децентрализованных сетей. Ключевым качеством личности здесь оказывается способность адаптироваться к внешним изменениям «гибкого капитализма» [Hartmann, 2012, 80]. Технические эксперименты и использование визуализации работы нейросетей посредством фМРТ не самоценны, но требуют интерпретации. Известный историк эмоций Ян Плампер доказывает это, комментируя эксперимент Крэйга Беннета: «<...> с фМРТ связаны серьезные статистические проблемы и проблемы с программным обеспечением. Особенно наглядно это показал следующий эксперимент: в 2009 году один американский нейробиолог положил в томограф лосося и

показал ему фотографии людей в различных социальных ситуациях, обладавшие различной эмоциональной окраской — положительной или отрицательной. Затем он спросил лосося, “какую эмоцию испытывал человек на снимке”. Лосось, как лаконично сказано в статье, был “приблизительно 18 дюймов в длину, весил 3,8 фунта и не был живым на момент сканирования”. Тем не менее, томограмма его мозга показала цветные пятна, свидетельствующие о мозговой активности» [Плампер 2018, 340].

Сами представители критической нейронауки занимают антирепрезентационистскую позицию, декларируя интерактивность исследований по отношению к реальности. Они подчеркивают взаимосвязь научной деятельности с демократизацией, развитием публичной сферы и эмансипационным пафосом эпохи модерна. Например, нейроэтика рассматривается ими не столько как юридическая экспертиза или регламентация практического внедрения результатов нейроисследований, сколько как публичная вовлеченность, готовность обсуждать вопросы донорства, клонирования и т.д. на разных общественных площадках. Кроме того, сторонники Я. Слаби и С. Чоудхури поднимают вопрос об изменении функций университета в эпоху неоллиберализма, когда из относительно независимой коллаборации студентов и преподавателей университет все чаще превращается в «фирму» — исследовательский центр, нанимающий высококвалифицированных специалистов для временной работы над конкретными проектами и ориентирующий их на прагматические результаты, которые можно капитализировать. Безусловно, такая критика не очень оригинальна, но от этого не менее справедлива.

То же самое можно сказать о критике новаторского пафоса нейронаук, конструирующей свою генеалогию через бинарное противопоставление грядущей «нейрореволюции» и сложной, весьма противоречивой эволюции нейроисследований в XX в. (включавшей и «недостойные» практики евгеники, вивисекции, сотрудничество с военными и расовые теории). Такая условная оппозиция искусственно конструирует фигуративный реверс от скепсиса к романтическому оптимизму, противопоставляя механическое прошлое кибернетическому будущему. Кроме того, она во многом затушевывает гетерогенность локальных практик и отсутствие общих рамок диалога между нейронауками и гуманитарным знанием, что осознается как серьезная проблема многими современными исследователями.

От социальной критики нейронаук к исследованиям аффекта

Достаточно гетерогенная критика социально-культурных форм развития нейроисследований разворачивается и в гендерных исследованиях, и в истории науки, и внутри самих нейронаук. Основные ее направления представлены в сборнике «Нейронауки и критика: исследуя границы нейро-поворота» (2016). Его авторы рассматривают «нейро-поворот» в рамках общего наследия эпохи «модерности», со всеми ее противоречиями. Так, например, Нимо Бассири из университета Дьюка и Джозеф Дамит из Калифорнийского университета в Дэвисе доказывают, что развитие нейроисследований вписано в длительные трансформации социально-культурных границ между нормой и патологией в европейской культуре [Bassiri, 2016; Dumit 2012]. С этой точки зрения, попытка рассматривать функционирование мозга и сознания независимо от социального мира оказывается симптомом современного кризиса гуманитарной сферы и разочарования в модернистской идее прогресса, которую неоллибералы по-прежнему пытаются использовать для обоснования своих антикоммунистических проектов, для оправдания растущего экономического неравенства и возвращения к элитарной модели образования.

Подобная критика смыкается с внутренними дискуссиями об организации нейронаук. Филипп Хауэйс и уже упоминавшийся Ян Слаби подробно описывают полемику вокруг крупнейшего в Европе проекта исследования головного мозга, амбициозной целью которого должно стать создание нейрокомпьютера, полностью моделирующего процессы головного мозга. Преобладание представителей IT-индустрии, непрозрачность финансирования (при том, что бюджет проекта составляет 1,2 млрд. евро), отказ от сотрудничества с локальными исследовательскими сообществами,

приоритет внешних параметров стандартизации над содержательной экспертизой, а также ряд других факторов спровоцировали открытое письмо 750 нейроисследователей в Еврокомиссию с требованием публичного обсуждения проекта и корректировки управления им со стороны академического сообщества [Haueis, Slaby, 2016].

Сторонники фукольдианского анализа знания / власти обвиняют нейронауки в поддержке неоконсервативного отрицания рационального экономического поведения акторов: «В рамках этого сценария роль правительства сводится к анализу причин поведения и разработке эффективных способов руководства (guiding) гражданами в их собственных долгосрочных интересах» [Pykett, 2016]. Одновременно экспертное мнение представителей нейронаук необходимо для оправдания коммодификации сложных исследований в сфере здравоохранения, которое из сферы «общего блага» сегодня все чаще становится доступно лишь представителям высшего класса. Одной из наиболее актуальных альтернатив подобного использования нейронаук Д. Пикетт и ее коллеги считают «поворот к аффекту», сторонники которого признают, что «... мозг и(ли) тело действуют до того, как мы когнитивно осмысливаем, узнаем или концептуализируем то, что происходит» [Ibid, 91]⁵, но они пытаются использовать понятие аффекта для критики капитализма. Так, например, профессор Нью-Йоркского университета Патрисия Клаф в работе «Бессознательное пользователя: аффект, медиа и измерение [эффективности]» рассматривает влияние современного неоллиберализма на изменения техник субъективации и микрофизику власти [Clough 2018]. По ее мнению, основной тренд распределенной «аффективной экономики» современного капитализма – вытеснение рационального (основанного на символической репрезентации) выбора бессознательной работой аффекта.

Впрочем, жесткое разделение эмоций и аффектов, свойственное такой критике, все чаще подвергается сомнению сторонниками истории эмоций и исследований культуры, которые склонны рассматривать аффект как составную часть сложного социально-культурного комплекса, включающего тело и его окружение и работающего по законам репрезентации. Разумеется, история эмоций и ее отношение к нейроисследованиям – тема отдельного разговора (подробнее см.: [Воробьева 2015, 10; Николаи 2019]). Пока же обозначим еще один вектор не столько критики, сколько ре-визии отношений между нейронауками и исследованиями культуры.

Нейроисследования культур

В центре внимания «культурных нейронаук» или «нейроисследований культур» (cultural neuroscience) оказываются вопросы нейробиологического объяснения культурного разнообразия, а также компаративный анализ холистического / аналитического восприятия и когнитивных процессов разных народов (американцев и японцев, британцев и китайцев, и т.д.). «Современные исследования показывают, что культурные различия существенным образом влияют на активность нейронов головного мозга. Одни и те же стимулы воспринимаются по-разному носителями разных культур. Одни и те же задачи и их решения задействуют разные зоны головного мозга или делают это с разной интенсивностью» [Northoff 2016, 21]. Вслед за Ш. Китаема сторонники нейроисследований культур говорят об «инкультурации мозга» [Kitayama, Uskul 2011]. По их мнению, основные когнитивные процессы одновременно социальные и биологичны: «Человеческий мозг по определению социален, – он адаптирован к обучению, социальным взаимодействиям и передаче культуры. Более того, его структурная пластичность зависит от опыта и времени» [Seligman, Choudhury, Kirmayer 2016, 4].

Основная проблема для данного направления исследований – неизбежное наложение национальных, социальных, поколенческих и индивидуальных различий в протекании этих когнитивных процессов. Кроме того, помимо рационально фиксируемых суждений, во всех культурах огромную роль играют разного рода повседневные практики, которые влияют на тела, эмоции и когнитивные установки на неотрефлексированном уровне. А символически вычленивать их и отделить от контекста не так просто. Особенно это касается различий понимания здоровья и болезни, памяти о насилии и исторических травмах. Как отмечают Анжела Гатчесс и Сара

Хафф, кросс-культурные различия в этой сфере вызваны тремя факторами. Во-первых, в разных культурах оказываются задействованы различные когнитивные *стратегии*, — например, отличается степень фиксации фигуры и фона у американцев и японцев. Во-вторых, разный культурный фон влияет на смысловые *коннотации* информации. В-третьих, отличается *таксономия* запоминания, — европейцы сортируют информацию тематически (по категориям со схожими признаками), а жители Восточной Азии — по функциональным отношениям [Gutchess, Huff 2016]. Применительно к автобиографической памяти это объясняет восприятие европейцами себя как ключевого агента воспоминаний, тогда как жители Восточной Азии гораздо сильнее ощущают intersубъективные связи и чаще вспоминают о прошлом своей семьи или социальной группы. Европейские дети обсуждают свои мысли и ощущения *после* событий, в Китае и Японии чаще говорят о своих чувствах *во время* событий и т.д.

Такая программа нейрорисследований представляет несомненный интерес, но неизбежно вызывает критику ввиду слишком линейного использования понятия «культуры», фактически редуцированного к «народному характеру». Подобная его трактовка принципиально нивелирует социальные различия и внутреннюю полифонию любой культуры. В этом контексте представляется продуктивным *сначала* оптимизировать взаимодействие между разными направлениями гуманитарных исследований, и лишь *после* этого проектировать трансдисциплинарные исследования с представителями нейронаук. Весьма продуктивным в этом отношении примером можно считать попытки совместить исследования аффекта и программу культурных исследований, разработанную британскими теоретиками С. Холлом, Р. Уильямсом и др.

Как известно, Раймонд Уильямс еще в 1970-е гг. предложил понятие «структура ощущений» [Williams, 1977]. Критикуя нейтральный академический анализ литературных текстов (основанный на институционализации разделения приватного и публичного), он в неогегельянском духе доказывал, что литература вызывает отклик в настоящем и составляет неотъемлемую часть актуального опыта. Разделение смысла на психологические, эстетические и идеологические составляющие, в ходе анализа, всегда условно и конструируется социально. Кроме этой аналитической дифференциации, опыт читателя всегда предполагает синтетическое отыгрывание и аффективное оживление текста через повседневные практики. Именно на эти практики опираются социально-политические структуры. Качественный переход между этими уровнями вполне можно описать как переход в структуре ощущений. Однако в современном капиталистическом обществе искусственно формируется разрыв между ними — литература и повседневность вытесняются на уровень приватного, отделяясь от политического / публичного⁶.

Сегодня идеи Уильямса оказываются весьма востребованными как среди следующего поколения представителей культурных исследований [Highmore, 2017], так и у сторонников «поворота к аффекту». Последних интересует попытка Уильямса наложить анализ социальной структуры на «аффективную инфраструктуру» опыта. С их точки зрения, основой аффекта становится не «потенциальность» Б. Массуми, но консьюмеризм — исторический рост практик потребления в XX в.: «Консьюмеризм учит нас постоянно совершать микро-выбор и тренирует нашу способность отдавать свое предпочтение или отказываться, — гораздо чаще, чем это обусловлено какой-либо жизненной необходимостью. Потребление, а следовательно, и производство, все больше управляются аффектом. <...> Другими словами, аффект становится важнейшим элементом в организации нашего образа жизни. Не существует “приватных” взглядов, которые можно было бы отделить от политических предпочтений; сегодня нет “тайных” желаний, существующих независимо от нашего рационального выбора; нет “личностных” качеств, не связанных с работой, которую мы выбираем, — то, что когда-то было “субъективным” дополнением, сегодня становится важной и эффективной частью нашей социальной активности. Производство, потребление и соучастие, — в каждом из этих случаев мы оказываемся задействованы как операторы или регулировщики аффекта» [Sharma, Tygstrup 2015, 4], (также см.: [Engle, Wong (ed.) 2018]). Если у Б. Массуми и сторонников Ж. Делеза аффект предельно материален и (в отличие от эмоций) не символизируем, то концепция «структуры ощущений»

позволяет включить его в сложные цепи ощущений / эмоций / ценностных установок / идеологических интерпелляций и экономических интересов. Аффект здесь оказывается предельно важной и вполне рационально используемой частью современной экономики и накопления «эмоционального капитала» [Ahmed, 2004]. Аккумуляция аффекта в эмоции при этом происходит благодаря изменениям в эстетическом аппарате — апелляции не столько к оппозиции возвышенного / прекрасного, сколько к комплексу более низовых категорий «забавно», «мило», интересно», эксплуатируемых повседневной консьюмеристской эстетикой.

Гуманитарные исследования сегодня работают с нейронауками в очень разных контекстах. Существенно отличаются и исследовательские практики, складывающиеся в ходе этого трансдисциплинарного диалога. Поэтому предельно актуальной задачей представляется не просто их систематизация, но аналитика сопровождающих такой диалог рисков и вызовов, а также осмысление его рамок и перспектив.

Возможно, прежде чем продвигаться дальше по пути сотрудничества с нейронауками, когнитивным исследованиям, философской антропологии, STS, культурным исследованиям, критической теории, исследованиям аффекта и истории эмоций было бы неплохо согласовать свои позиции и выработать приемлемые рамки междисциплинарного взаимодействия. Лишь совместно эти направления способны провести системный анализ и согласовать языки описания сложных комплексов аффектов — ощущений — габитусов — эмоций — ценностей — суждений — целерациональных действий — социально-культурного контекста.

Более того, следует признать продуктивность напряжения смыслов в ходе такого диалога. И одним из наиболее актуальных вызовов, порождающих споры о нейтральности / публичной ангажированности исследователя сегодня, представляется торжество неолиберальной политэкономии, во многом определяющей рамки научных проектов и влияющей на серьезную трансформацию академических институтов. Выстраивание аналитической дистанции и поиск альтернатив этому неолиберальному режиму предполагает переосмысления функции Университета в современном мире. С другой стороны, не менее важным представляется внимание к феноменологии повседневного опыта представителей разных культур и социальных групп, совместная работа с которыми может способствовать переосмыслению не только границ между частной и публичной сферой, академическим и неакадемическим миром, но и между представителями разных ветвей и «культур» знания.

Очевидно, что решение подобного рода задач предполагает не только другой набор исследовательских вопросов, но и принципиально иные методологические образцы и исследовательские программы. Активная дисциплинарная экспансия нейронаук в область гуманитарных исследований требует от гуманитариев понимания современного мира как мира других ментальных возможностей, нуждающегося в другом, конвергентном взгляде, который возникает даже не на грани наук, а в трансдисциплинарном пространстве; появления новых «зон» накопления интеллектуального капитала и способов производства знания; открытия новых (косвенных) форм власти; углубленного осмысления массива данных о работе системы «человек-среда», а также о функционировании т.н. «социального мозга». Говоря о перспективах применения нейронауки, например, в современных исторических исследованиях, вероятно, следует задуматься о процессах включения нейропроблематики в комплекс проблем, связанных с изучением исторической памяти, с культурной нейронаукой, с нейрокоммуникациями как каналом для переживания и воссоздания чужого опыта.

Однако данная интеллектуальная ситуация, как уже было отмечено выше, далеко не однозначна и несет в себе новые риски и угрозы, в том числе угрозу вульгаризации нейроисследований в гуманитарной сфере. Все эти проблемы являются принципиально новыми для гуманитарного знания и требуют комплексного обсуждения философских и социогуманитарных проблем развития нейронауки и нейротехнологий. Еще раз подчеркнем, что отношения между ними не стоит рассматривать как простую рецепцию или «улицу с односторонним движением». Критическая теория

показывает влияние социального заказа на структуру, организацию и постановку задач в нейронауках. При переходе от эмпирических исследований к макро-обобщениям (предельно востребованным сегодня) возникает разрыв, который часто заполняется околонучной популяризацией и прагматической эклектикой, ориентированной на воспроизводство позднекапиталистического режима знания / власти. Именно поэтому рамки рассматриваемого трансдисциплинарного диалога должны выстраиваться с участием всех сторон, в равной степени заинтересованных в поиске новых форматов сотрудничества.

Примечания

- ¹ Например, см.: [Александров, Александрова 2009].
- ² Подробнее см.: [Глозман, Круков 2013; Рычкова, Холмогорова 2012].
- ³ Подробнее см.: [Черниговская 2013; Черниговская 2014].
- ⁴ Например, о работе междисциплинарного семинара «Философско-методологические проблемы искусственного интеллекта» см.: [Алексеев, Кузнецов, Савельев, Янковская, 2015].
- ⁵ Подробнее о теории аффекта см.: [Clough, Halley (ed.) 2007; Кобылин 2017].
- ⁶ Безусловно, эти идеи были неразрывно связаны с общей программой культурных исследований, как они складывались в 1950–60-е гг. Подробнее см.: [Куренной, 2012].

Ссылки — References in Russian

- Александров, Александрова 2009 — Александров Ю.И., Александрова Н.Л. Субъективный опыт, культура и социальные представления. М.: Институт психологии РАН, 2009.
- Алексеев, Кузнецов, Савельев, Янковская 2015 — Алексеев А.Ю., Кузнецов В.Г., Савельев А.В., Янковская Е.А. Становление отечественной нейрофилософии // *Философские науки*. 2015. № 11. С. 48–56.
- Бажанов 2016 — Бажанов В.А. Социально-культурная революция в нейронауке: новые грани кантианской программы // *Вопросы философии*. 2016. № 8. С. 126–137.
- Воробьева 2015 — Воробьева О.В. «Индустрия эмоций»: институциональные и интеллектуальные ресурсы истории эмоций // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2015. № 9. С. 10.
- Глозман, Круков 2013 — Глозман Ж.М., Круков П. Социальный мозг: новая трактовка понятия // *Вестник Московского университета*. Серия 14: Психология. 2013. № 2. С. 121–133.
- Кобылин 2017 — Кобылин И.И. «Автономия аффекта»: история, становление, биополитика // *Диалог со временем*. 2017. № 58. С. 25–38.
- Куренной 2012 — Куренной В. Исследовательская и политическая программа культурных исследований // *Логос*. 2012. № 1. С. 14–79.
- Николаи 2019 — Николаи Ф.В. История эмоций: три версии // *Новое литературное обозрение*. 2019. № 2. С. 289–297.
- Петрунин 2015 — Петрунин Ю.Ю. Критический потенциал нейрофилософии // *Философские науки*. 2015. № 11. С. 23–30.
- Плампер 2018 — Плампер Я. История эмоций / Пер. с англ. К. Левинсона. М.: Новое литературное обозрение, 2018.
- Рычкова, Холмогорова 2012 — Рычкова О.В., Холмогорова А.Б. Концепция «социального мозга» как основы социального познания и его нарушений при психиатрической патологии // *Культурно-историческая психология*. 2012. № 3. С. 86–94.
- Секацкая 2016 — Секацкая М.А. Свобода воли и предсказуемость. Философский анализ современных исследований в нейронауке // *Вопросы философии*. 2016. № 3. С. 163–169.
- Черниговская 2014 — Черниговская Т.В. «До опыта приобрели черты»: мозг человека и породивший его язык // *Логос*. 2014. № 1. С. 79–96.
- Черниговская 2013 — Черниговская Т.В. Чеширская улыбка кота Шрёдингера: язык и сознание. М.: Языки славянской культуры, 2013.
- Шкурко 2017 — Шкурко Ю.С. Нейротехнологии и пролиферация идей нейронауки // *Социальная психология и общество*. 2017. № 8. С. 32–42.

References

- Ahmed, Sara (2004) 'Affective Economies', *Social Text*, Vol. 22 (2004), No. 2, pp. 117–139.
- Aleksandrov, Yuri I., Aleksandrova, Natalya L. (2009) *Subjective Experience and Culture. Structure and Dynamics*. Moscow: Institute of Psychology RAN, 2009 (in Russian).

- Alekseev, Andrey Yu., Kuznetsov., Valery G., Saveliev Alexander V., Yankovskaya, Ekaterina A. 'The Formation of the Russian Neurophilosophy' (2015), *Philosofskie nauki = Russian Journal of Philosophical Sciences*, Vol. 11, pp. 48–56 (in Russian).
- Bassiri, Nima (2016) 'Who Are We, Then, If We Are Indeed Our Brains? Reconsidering a Critical Approach to Neuroscience', *Neuroscience and Critique: Exploring the Limits of the Neurological Turn*, ed. by J. De Vos, E. Pluth. Abingdon, N.Y.: Routledge, 2016, pp. 41–61.
- Bazhanov, Valentin A. (2016) 'Neurotheology: Religion in the Focus of Modern Cultural Neuroscience', *Voprosy Filosofii*, Vol. 8 (2016), pp. 126–137 (in Russian).
- Chernigovskaya, Tatiana V. (2014) 'Prior To Any Learning Acquired Their Traits: Human Brain Results From Language', *Philosophical Literary Journal "Logos"*, Vol. 1 (2014), pp. 79–96 (in Russian).
- Chernigovskaya, Tatiana V. (2013) *Schrödinger Cat Cheshire Smile: Language and Consciousness*. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2013 (in Russian).
- Clough Patricia T. (2018) *The User Unconscious: On Affect, Media, and Measure*, Minneapolis: University of Minnesota Press, 2018.
- Dumit, Joseph (2016) 'The Fragile Unity of Neuroscience' *Neuroscience and Critique: Exploring the Limits of the Neurological Turn*, ed. by J. De Vos, E. Pluth, Abingdon, N.Y.: Routledge, 2016, pp. 223–230.
- Feelings of Structure: Explorations in Affect*, ed. by K. Engle, Y.-S. Wong, Montreal, L.: McGill-Queen's University Press, 2018.
- 'For the Brain's Enculturation?' *The Oxford Handbook of Cultural Neuroscience*, ed. by J. Chiao, S.-C. Li, R. Seligman, R. Turner. Oxford, N.Y.: Oxford University Press, 2016, pp. 21–40.
- Glozman Zhanna M., Krukov Pavel (2013) 'Social Brain: New Interpretation of the Concept', *Moscow University Psychology Bulletin*, Vol. 2 (2013), pp. 121–133 (in Russian).
- Gutchess, Angela H., Huff, Sarah. (2016) 'Cross-Cultural Differences in Memory', *The Oxford Handbook of Cultural Neuroscience*, ed. by J. Chiao, S.-C. Li, R. Seligman, R. Turne, Oxford, N.Y.: Oxford University Press, 2016, pp. 155–170.
- Hartmann, Martin (2012) 'Against First Nature: Critical Theory and Neuroscience', *Critical Neuroscience: A Handbook of the Social and Cultural Contexts of Neuroscience*, ed. by S. Choudhury, J. Slaby, Oxford, Chichester: Wiley-Blackwell, 2012, pp. 67–84.
- Hauéis, Philipp, Slaby, Jan (2016) 'Brain in the Shell: Assessing the Stakes and the Transformative Potential of the Human Brain Project', *Neuroscience and Critique*, ed. by J. De Vos, E. Pluth, Abingdon, N.Y.: Routledge, 2016, pp. 117–140.
- Highmore, Ben (2017) *Cultural Feelings*, N.Y.: Routledge.
- Kirmayer, Laurence J. (2012) 'The Future of Critical Neuroscience', *Critical Neuroscience: A Handbook of the Social and Cultural Contexts of Neuroscience*, ed. by S. Choudhury, J. Slaby. Oxford, Chichester: Wiley-Blackwell, 2012, pp. 367–384.
- Kitayama, Shinobu, Uskul, Ayse K. 'Culture, Mind, and the Brain: Current Evidence and Future Directions', *Annual Review of Psychology*, 2011, Vol. 62, pp. 419–449 (in Russian).
- Kobylin, Igor I. (2017) 'The "Autonomy of Affect": History, Becoming, Biopolitics', *Dialog so vremenev = Dialogue with the Time*, Vol. 58 (2017), pp. 25–38 (in Russian).
- Kurennoy, Vitaly A. (2012) 'Research and Politic Programme of Cultural Studies', *Philosophical Literary Journal "Logos"*, Vol 1 (2012), pp. 14–79 (in Russian).
- Legrenzi, Paolo, Umilta, Carlo (2011) *Neuromania: On the Limits of Brain Science*, Oxford, N.Y.: Oxford University Press.
- Lynch, Zach (2009) *The Neuro Revolution: How Brain Science is Changing our World*, N.Y.: St. Martin's Press.
- Nikolai, Feodor V. (2019) 'History of Emotion: Three Version', *Novoe literaturnoe obozrenie = New Literary Review*, Vol. 2 (2019), pp. 289–297 (in Russian).
- Northoff, George (2016) 'Cultural Neuroscience and Neurophilosophy: Does the Neural Code Allow for the Brain's Enculturation?', *The Oxford Handbook of Cultural Neuroscience*, ed. by J. Chiao, S.-C. Li, R. Seligman, R. Turner, Oxford, N.Y.: Oxford University Press, pp. 21–40.
- Petrinin, Yury Yu. (2015) 'Critical Potential of Neurophilosophy', *Philosofskie nauki = Russian Journal of Philosophical Sciences*, Vol. 11 (2015), pp. 23–30 (in Russian).
- Plamper, Jan. *The History of Emotions / Transl. (Engl.) K. Levinsona*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2018. 568 p. (Russian Translation.)
- Pykett, Jessica (2016) 'From Global Economic Change to Neuromolecular Capitalism', *Neuroscience and Critique. Exploring the Limits of the Neurological Turn*, ed. by J. De Vos, E. Pluth, Abingdon, N.Y.: Routledge, pp. 81–99.
- Rychkova, Olga V., Kholmogorova, Alla B. (2012) 'Social Brain Concept as a Basis for Social Cognition- and Its Deficits in Mental Disorders', *Cultural-Historical Psychology*, Vol. 3 (2013), pp. 86–94 (in Russian).
- Sekatskaya, Maria A. (2016) 'Free Will and Predictability. A Philosophical Analysis of the Current Research in Neuroscience', *Voprosy Filosofii*. Vol. 3 (2016), pp. 163–169 (in Russian).
- Seligman, Rebecca, Choudhury, Suparna, Kirmayer, Laurence J. (2016) 'Locating Culture in the Brain and in the World: From Social Categories to the Ecology of Mind', *The Oxford Handbook of*

Cultural Neuroscience, ed. by J. Chiao, S.-C. Li, R. Seligman, R. Turner, Oxford, N.Y.: Oxford University Press, 2016, pp. 3–20.

Sharma, Devika, Tygstrup, Frederik (2015) 'Introduction', *Structures of Feeling: Affectivity and the Study of Culture*, ed. by D. Sharma, F. Tygstrup, Berlin: de Gruyter, pp. 1–19.

Shkurko, Yulia S. (2017) Neurotechnologies and Proliferation of the Ideas of Neuroscience, *Sotsiálnaya Psikhologiya I obschestvo = Social Psychology and Society*, Vol. 8 (2017), pp. 32–42 (in Russian).

Slaby, Jan, Choudhury, Suparna (2012) 'Proposal for a Critical Neuroscience', *Critical Neuroscience: A Handbook of the Social and Cultural Contexts of Neuroscience*, ed. by S. Choudhury, J. Slaby, Oxford, Chichester: Wiley-Blackwell, 2012, pp. 29–52.

The Affective Turn: Theorizing the Social, ed. by P. Clough, J. Halley. Duke University Press, 2007, 328 p.

Vidal, Fernando (2009) 'Brainhood: Anthropological figure of modernity', *History of the Human Sciences*, Vol. 22 (2009), No. 1, pp. 6–35.

Vorobieva, Olga V. (2015) 'Industry of Emotions: Institutional and Intellectual Resources of the History of Emotions', *Journal of Education and Science "ISTORIYA" ("History")*, Vol. 9 (42) (2015) (in Russian).

Williams, Raymond (1977) *Marxism and Literature*, Oxford, N.Y.: Oxford University Press.

Сведения об авторах

ВОРОБЬЕВА Ольга Владимировна –

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; доцент кафедры теории и истории гуманитарного знания, научный сотрудник Научно-образовательного центра когнитивных программ и технологий Российского государственного гуманитарного университета.

НИКОЛАИ Федор Владимирович –

доктор философских наук, доцент кафедры всеобщей истории НГПУ им. К. Минина; старший научный сотрудник Научно-образовательного центра когнитивных программ и технологий Российского государственного гуманитарного университета.

Author's information

VOROBIEVA Olga V. –

CSc in History, Leading Researcher, Institute of World History RAS; Associate Professor, Department of Theory and History of Humanitarian Knowledge, Researcher, Research-education Centre for Cognitive Programs and Technologies, Russian State University for the Humanities.

NIKOLAI Feodor V. –

DSc in Philosophy, Associate Professor, Department of World History, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University; Senior Researcher, Research-education Centre for Cognitive Programs and Technologies, Russian State University for the Humanities.